
**СПОСОБЫ ПРЕЛОМЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ДОВЛАТОВА:
*ЛОЖЬ, УМОЛЧАНИЕ, МОЛЧАНИЕ***

ДИАНА ГАЗАРОВА

Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли.
Галейран

Сергей Довлатов определял свой жанр как псевдодокументализм: «когда все формальные признаки документальной прозы соблюдаются, то художественными средствами ты создаешь документ...»¹ В данной статье мы попытаемся разобраться, какими способами действительность отражается в довлатовских произведениях. В частности, мы рассмотрим три типа преломленной действительности: 1) скрытая, недосказанная реальность, 2) измененная реальность, 3) невысказанная и – как результат – неизменная реальность. В контексте вышесказанного мы рассмотрим языковую репрезентацию категории умолчания, концепта «обман» и категории молчания соответственно.

Недосказанная действительность проявляется в категории умолчания, которая в свою очередь связана с категорией неопределенности. «Базовым значением семантики умолчания является значение неопределенности. Все средства семантики умолчания обладают семантической редукцией, сокращением числа дифференциальных признаков языковой единицы по сравнению с намеренно заменяемой. Иными словами, семантическая редукция – это не сокращение смысла, а минимальность и неопределенность»². Речь, конечно, идет о ситуации «мнимой неопределенности, поскольку при употреблении названного значения адресант знает, о каком предмете, признаке, явлении идет речь. Следовательно, мнимая неопределенность сигнификативной ситуации (предмета, признака, положения дел) базируется на фактической определенности»³.

Умолчание всегда произвольно: говорящий намеренно обрывает речевую цепь, предоставляя адресату возможность догадаться о том, что не выражено словами. Язык располагает самыми разнообразными

¹ Сухих И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 2010, с. 62.

² Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. <https://www.dissercat.com/content/semantika-umolchaniya-i-sredstva-ee-vyrazheniya-v-russkom-yazyke>

³ Иванян Е.П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал, Тольятти, 2015, № 1 (10), с. 34.

средствами завуалирования и сокрытия информации (лексическими, морфологическими, синтаксическими, графическими и т.д.). Остановимся на тех из них, которые превалируют в произведениях Сергея Довлатова.

Прежде всего это те из неопределенных местоимений, которые выражают относительную, или однонаправленную неопределенность: местоимения с *кое-* и *-то*.

— *Говорят, ты стал писателем?*

Я растерялся. Я не был готов к такой постановке вопроса. Уж лучше бы она спросила: "Ты гений?" Я бы ответил спокойно и положительно. Все мои друзья изнывали под бременем гениальности. Все они называли себя гениями. А вот назвать себя писателем оказалось труднее.

Я сказал: — Пишу кое-что для забавы... («Чемодан»)

Все по очереди заговаривали с Таней. Худой, бородастый старик почти кричал:

— *Надеюсь, господа, тут все свои?! Так что позвольте мне забыть о конспирации. Я должен передать кое-что Александру Исаевичу Солженицыну... («Заповедник»)*

Людмила Сергеевна кое-что о вас рассказывала... И я подумала... Мне кажется, вы интересный человек... («Компромисс»)

Мы называем подобное употребление выражением относительной, или однонаправленной неопределенности: то, что в известной степени определено для говорящего, имеет неопределенную референцию для слушающего⁴.

У Довлатова относительная неопределенность, однако, обрастает и дополнительными оттенками. Во многих случаях мы можем говорить не столько о неопределенности, сколько о нерелевантности и незначимости самого события, явления. Ср.:

Рано утром я выхожу за газетой. С кем-то здороваюсь. Покупаю горячие булочки к завтраку. Начинается день. И я к нему готов («Марш одиноких»).

Категорию умолчания способны выражать и слова, употребленные в функции неопределенных местоимений: *один, известный, определенный*.

Я знаю, что один советский поэт начинал разговоры в издательствах: - В силу моего таланта, осмелюсь думать - немало... («Переводные картинки»)

- Но почему? — спросил Красноперов. — По известным причинам. — А а... («Иная жизнь»)

И наконец вчера многозначительно спросил: «Уж не принадлежишь ли ты к известной организации?» - А он? — Он понял мой намек и кивнул («Ремесло»).

⁴ См. Газарова Д.Ю. Об относительной неопределенности в русском языке (на материале неопределенных местоимений) // Вопросы методики преподавания в вузе, СПб, 2016, 5 (19-2), с. 96.

Фрида сказала:

- Все мы – люди определенного круга.

Я кивнул.

- Надеюсь, и вы – человек определенного круга?

- Да, - сказал я («Хочу быть сильным»).

Во всех этих случаях мы имеем дело с прономинализацией, когда прилагательные *известный, определенный* употребляются в значении неопределенных местоимений. Еще А.М. Пешковский отмечал, что подобные слова «можно бы выделить в группу «определимо неопределенных», так как здесь наряду со значением неопределенности имеется оттенок потенциальной определенности, или “определимости”»⁵. Подобное употребление свидетельствует о стремлении говорящего скрыть информацию, точнее не раскрывать ее, во многих случаях и потому, что референт не нуждается в раскрытии: все и так всем понятно.

Отрицательные местоимения обычно употребляются для пресечения разговора и во избежание дальнейших расспросов:

- Что вы хотите этим сказать?

- Ничего. Я пошутил («Компромисс»).

- Что произошло? – спрашиваю.

- Да ничего особенного («Холодильник»).

В сходной функции употребляется и сочетание *да так*:

- Вы, собственно, что тут делаете?

- Да так... грибы собираю («Ослик должен быть худым»).

В функции умолчания в довлатовских произведениях очень часто используется многоточие. Автор умалчивает и недоговаривает с тем, чтобы склонить читателя подумать и додумать. Многоточие у Довлатова функционально значимо:

Алиханов был хорошим надзирателем. И это все же лучше, чем быть плохим надзирателем. Хуже плохого надзирателя только зеки в ШИЗО... («Зона»)

Я сам был очень здоровым человеком. Мне ли не знать, что такое душевная слабость... («Зона»)

Как ни странно, Зарецкого уважали и побаивались... («Иностранка»)

Я вынужден сообщать какие-то детали моей биографии, иначе многое останется неясным. Сделаю это коротко, пунктиром.

Толстый застенчивый мальчик... Бедность... Мать самокритично бросила театр и работает корректором... («Ремесло»)

В большинстве случаев многоточие выполняет две функции: умолчания и указания на отсутствие необходимости в раскрытии содержания. В подобных контекстах автор не дает разъяснения ситуации, но, используя многоточие как знак недоговоренности, нежелания

⁵ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001, с. 157.

высказать мысль до конца, Довлатов заставляет читателя задуматься над смыслом этой фразы⁶.

Как метафорически выразился А. Генис в своих мемуарах о С. Довлатове: «Довлатовское многоточие больше напоминает не пунктуационный знак, а дорожный. Он указывает на перекресток текста с пустотой. Каверны, пунктиром выгрызенные в теле текста, придают ему элегантную воздушность, как дырки – швейцарскому сыру»⁷.

Таким образом, как мы увидели, Довлатов очень часто прибегает к приемам умолчания. Можно сделать вывод о том, что в произведениях Довлатова доминирует недосказанность, которая носит разный характер: так, в эмигрантских его произведениях (мы имеем в виду произведения, которые посвящены описанию жизни в эмиграции) преобладает общая неопределенность, связанная с отсутствием необходимости в определенности, поскольку речь больше идет о недосказанности, обусловленной незначительностью происходящего: автор как бы подчеркивает, что не нужно конкретизировать частное, так как общее явление – эмиграция – остается до конца невыявленным. В «Зоне» также преобладает понятие неопределенности, неясности тех или иных явлений для автора и читателя. Но здесь есть важное отличие: Довлатов умалчивает, недоговаривает не потому, что это излишне, нерелевантно, а наоборот – склоняет читателя самому задуматься о жизни в зоне и на воле, о жизни вообще, подумать и додумать. Таким образом, причины умолчания разные, но употребление данной категории весьма и весьма частое в творчестве С. Довлатова.

Некоторые исследователи относят умолчание к пассивной разновидности лжи⁸.

Отношение к обману, лжи в русской лингвокультуре бывает разным, вплоть до прямо противоположного (ср., например, пословицы *Кто врет, того бы и под гнет; Что лживо, то и гнило; Умная ложь лучше глупой правды; Ври больше: вперед пригодится*). Рассмотрим, в каких значениях употребляется активная разновидность обмана, лжи у С. Довлатова (на материале глаголов «обманывать», «лгать», «врать»).

Проанализировав определения интересующих нас глаголов в различных словарях⁹, мы пришли к следующим выводам:

⁶ Кузнецова Е.В. Стилистические функции многоточия в усеченных конструкциях (на материале произведений С. Довлатова) // «Вестник Южно-Уральского гос. университета». Лингвистика. Челябинск, 2011, № 22 (239), с. 109.

⁷ Генис А.А. Довлатов и окрестности. М., 2011, с. 182.

⁸ См. Панченко Н.Н. Обман // Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. Т.1. Волгоград, 2005, с. 176-194.

⁹ Словари, к которым мы обратились: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990; Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014; Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. - <http://www.efremova.info/word/obmanuvat.html> #.WUJtkrKGPIU; Апресян Ю.Д. Неправда, ложь, вранье // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003; «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений». Под общей редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой. М., 2007.

- обман предполагает не только слова, но и действия;
- в случае обмана и лжи предполагается наличие цели, в отличие от вранья: говорящий может врать для красного словца;
- ложь и обман предполагают некоторую запланированность, вранье же характеризуется спонтанностью и несознательностью введения собеседника в заблуждение;
- ложь и обман всегда вызывают осуждение, в отличие от вранья и т.д.

В произведениях С. Довлатова проявляются все основные характеристики данных глаголов. Так, ложь и обман вызывают осуждение, неодобрение, и потому так много сочетаний этих лексем со словами с отрицательной оценкой:

В силу гнусной привычки ко лжи я изобразил уныние («Компромисс»).

Человек стыдился лгать. Стыдился заискивать перед властями («Марш одиноких»).

Втайне я подозревал и даже был уверен, что Тася меня обманывает. Воображение рисовало унижительные подробности ее измен («Филиал»).

Вранье же не вызывает осуждения, оно не всегда одобряется, но ненаказуемо:

Даже интеллигентные люди врут, что у них приличная зарплата («Компромисс»).

Вранье не наносит вреда, и потому с этой лексемой возможны сочетания со словами с положительной оценкой:

Алла врала что-то трогательное в своей неубедительности, якобы Одри Хепберн прислала ей красящий шампунь («Компромисс»).

Как благородно эволюционировало вранье за последние двести лет! («Компромисс»)

Именно поэтому во вранье несложно сознаться, поскольку оно не входит в систему общепринятых осуждаемых действий:

- Врешь, - сказал я. – Вру, - согласился Фидель, - только дело же не в этом («Зона»).

Одним из основных компонентов значения глагола «врать» является сема ошибки, неосторожности, ненамеренного, случайного искажения действительности:

Стала она заходить, типа выстирать, погладить... Сошлись мы на Пасху... Вру, на Покрова... («Компромисс»)

Однако особенностью употребления глаголов «лгать», «обманывать», «врать» в произведениях Сергея Довлатова является то, что все они выражают значения, свойственные глаголу «врать». Сравним:

- «Континент», где обо мне написано, читали?

- Нет, - солгал я. («Уроки чтения»)

- Вы заказывали четыре порции бренди? – Да, - солгал я почти без колебаний («Филиал»).

Во всех приведенных примерах перед нами случаи «бытового» и «легкомысленного» вранья, когда говорящий не стесняется признаться во лжи (=вранье), ведь это не осуждается: это всего лишь ошибка, свойственная людям. Такие случаи употребления глагола «врать» А.Д. Шмелев называет «легкомысленным враньем», свойственным «человеку, не особенно заботящемуся об истинности своих высказываний»¹⁰.

Мы можем предположить, что ложь в довлатовских произведениях принимает будничные, обыкновенные черты. В русской лингвокультуре это значение – значение спонтанности, непреднамеренности и отсутствия корыстной цели – присуще только глаголу «врать». У Довлатова же в данном значении употребляется и глагол «лгать»:

Он лгал теперь без всякого повода. Он лгал даже в тех случаях, когда это было нелепо. («Иностранка»)

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что герои Довлатова и Довлатов-рассказчик тяготеют к использованию «художественного», «бытового» и «легкомысленного» вранья, в этих значениях употребляется и глагол «лгать». Герои Довлатова врут, привирают, недоговаривают, но не лгут. Все случаи «вранья» в произведениях Довлатова носят сиюминутный, в большинстве своем спонтанный характер, здесь врут для украшения действительности, а не из каких-либо корыстных целей вводят людей в заблуждение.

Как отмечает Ю.Д. Апресян, обман предполагает «некий план и, следовательно, некую продуманную с о в о к у п н о с т ь взаимосвязанных действий или высказываний»¹¹. Герои же Довлатова характеризуются тем, что они врут, потому что ничто человеческое им не чуждо, потому что так получилось, часто врут, не подумав, а отнюдь не намеренно искажают правду.

Таким образом, главное назначение лжи в довлатовском творчестве, на наш взгляд, – это приукрашивание действительности. Причем отметим, что довлатовские персонажи лгут пассивно, не прилагая особых усилий, не преследуя какой-либо корыстной цели. Молчание же, которое многие исследователи (наряду с умолчанием) рассматривают как пассивную форму лжи, в произведениях Довлатова используется довольно активно. «Молчание для человека в структуре общения представляет бо́льшую ценность, нежели говорение, оно более востребовано»¹². Довлатов никогда не недооценивал роль молчания:

Я выходил из себя – жена молчала. Молчание – огромная сила. Надо его запретить, как бактериологическое оружие («Наши»).

В его произведениях молчание играет очень важную, конструктивную роль. И оно не всегда осуждается:

¹⁰ Шмелев А.Д. Вранье в русской «наивной этике»// Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012, с. 514.

¹¹ Апресян Ю.Д. Неправда, ложь, вранье // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003, с. 669.

¹² Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж, 2012, с. 107.

Когда храбрый молчит, трусливый помалкивает («Компромисс»).

Более того, молчание даже является гарантом спокойной, стабильной жизни:

Так значит, молчание есть порука жизни. А крик – соответственно – убивает последнюю надежду... («Филиал»)

Лена была невероятно молчалива и спокойна. Это было не тягостное молчание испорченного громкоговорителя. И не грозное спокойствие противотанковой мины. Это было молчаливое спокойствие корня, равнодушно внимающего шуму древесной листвы... («Наши»)

Иными словами, молчание у Довлатова не просто коммуникативно значимо: во многих случаях только за ним и правда. Интересно обратить внимание на тот факт, что в языкознании молчание не только противопоставлено говорению, но и вторично по отношению к нему: «Концепт молчания, таким образом, формируется на фоне понятия говорения, вторичен по отношению к нему. Соответственно и прагматика молчания <...> формируется на фоне прагматики говорения. Так, *нарушить (прервать) молчание* можно только тогда, когда был прецедент говорения. <...> Молчанию предшествует говорение, говорение же необязательно предваряется молчанием»¹³.

Исследователи обязательно отмечают намеренность молчания и стремление воздействовать на слушающего, ср., например: «С помощью молчания говорящий (в нашем случае молчащий) имеет некоторые намерения и интенции, которые он сообщает собеседнику (слушающему), таким образом воздействуя на адресата и его дальнейшее (вербальное или невербальное) поведение»¹⁴. У Довлатова же говорящий молчит, намеренно избегая воздействия на адресата.

Н.Д. Арутюнова отмечала: «Признак контролируемости сопутствует молчанию. *«Молчать* обычно предполагает сознательность действия»¹⁵. Продолжая мысль, высказанную Арутюновой, отметим, что у Довлатова молчание предполагает сознательность не действия, а бездействия, попыток избежать прямого называния правды, молчание у Довлатова всегда мотивировано и даже оправдано перед читателями:

Я в таких случаях больше молчал. Америка мне нравилась («Ремесло»).

Я знал, что меня одели неправильно. Но я молчал. Я не хотел переодеваться. Да и сейчас не хочу. («Филиал»)

Я молчал, боясь огорчить Тасю, вызвать ее раздражение («Филиал»).

Я промолчал. Не рассказывать же было замполиту о происшествии в лесу («Зона»).

¹³ Арутюнова Н.Д. Молчание и чувство // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994, с. 106.

¹⁴ Шабанова Я.В. Речевой акт «МОЛЧАНИЕ» в структуре вербальной и невербальной коммуникации. <https://docplayer.ru/31927998-Ya-v-shabanova-voronezh-rechevoy-akt-molchanie-v-strukture-verbalnoy.html>

¹⁵ Арутюнова Н.Д. Указ. соч., с. 108.

Если соврать человек может по неосторожности, не подумав, то промолчать он может только сознательно, это всегда обдуманное решение.

Я промолчал. Откуда я знал, можно ли ему доверять («Зона»).

Что интересно, исследователи молчания как коммуникативного акта отмечали различные его функции (контактная, оценочная, информативная, эмотивная, дисконтактная и т.д.)¹⁶. Довлатов также осознает различную функциональную природу молчания:

Я даже молчание записал на пленку. Причем варианта три или четыре. Благоговейное молчание. Молчание с оттенком недовольства. Молчание, нарушенное возгласом: «Посланник КГБ!» Молчание плюс глупые шаги докладчика, идущего к трибуне. И так далее («Филиал»).

Принято различать «молчание вместо говорения» и «молчание слушания». Ю.Д. Апресян выделяет два типа «молчания вместо говорения»¹⁷: 1) молчание как отсутствие какой бы то ни было речевой активности; 2) молчание как отсутствие словесной реакции субъекта на слова партнера или какое-либо событие. Второй тип молчания имеет в свою очередь подвиды: молчание-пауза как знак сочувствия и молчание как отсутствие расспросов (или иной словесной реакции, свидетельствующей об интересе субъекта к тому, что произошло с партнером). В произведениях С. Довлатова превалирует именно второй тип молчания (молчание как отсутствие расспросов). В отличие от недосказанной действительности (категория умолчания), когда говорящий недоговаривает в различных целях (отсутствие необходимости раскрывать скобки, нерелевантность происходящего, склонение читателя задуматься о недосказанном), в отличие от обмана/лжи/вранья, когда говорящий приукрашивает действительность (зачастую пассивно, не преследуя какой-либо цели), в случае с невысказанной действительностью довлатовские герои активно молчат, осознавая, что они своим молчанием предотвращают изменение действительности и фактически противостоят ей.

Рассмотрев основные способы отражения, а точнее преломления действительности в произведениях Сергея Довлатова, мы можем сделать вывод о том, что герои Довлатова активнее всего используют пассивный вид лжи – молчание. В произведениях Довлатова молчание (=бездействие) всегда мотивировано, объяснено и оправдано, а вот действие (сокрытие и изменение реальности) не всегда находит объяснение. Исследователи феномена молчания, в частности Н.Д. Арутюнова отмечала, что «молчание, как и любое другое не-действие, имеет причину»¹⁸.

¹⁶ См. об этом: Шабанова Я.В. Указ. соч.; Крестинский С.В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе. – Вестник ТвГУ, серия «Филология», 2011, вып. 1 и др.

¹⁷ Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2016, с.291-292.

¹⁸ Арутюнова Н.Д. Указ. соч., с. 109.

При умолчании говорящий скрывает действительность и стремится максимально воздействовать на реципиента (вызвать интерес, соответствующую реакцию и т.д.) При лжи, обмане говорящий намеренно/ненамеренно изменяет действительность с целью воздействовать, произвести впечатление на реципиента. При молчании же говорящий не высказывает всей действительности с целью избежать оказания воздействия на реципиента или противодействия с его стороны.

Молчание герои Довлатова продуцируют активную ложь, потому что в этих случаях они всегда преследуют какую-либо цель, личную выгоду, молчат они всегда сознательно и намеренно. И наоборот: лгущие герои Довлатова лгут (=врут) пассивно, не преследуя корыстных целей, лгут по ошибке, часто лгут не подумав, их ложь не вызывает осуждения и оправдана как самим автором-рассказчиком, так и нами, читателями.

Ключевые слова: категория умолчания, категория определенности/неопределенности, относительная неопределенность, активная и пассивная ложь, концепт «обман», молчание

ԴԻԱՆԱ ԳԱԶԱՐՈՎԱ – Իրականության բեկման ձևերը Ս. Դովլատովի ստեղծագործություններում. սուտը, թերասությունը և լռությունը – Հոդվածում դիտարկվում են բեկված իրականության երեք ձև՝ 1) թաքցրած իրականություն (թերասության կարգ), 2) փոփոխված իրականություն («խաբեություն» հասկացույթ) և 3) չասված, ուստիև չփոփոխված իրականություն (լռություն): Հեղինակը ենթադրում է, որ նշված ձևերից Ս. Դովլատովի հերոսները նախընտրում են ստի պասիվ տեսակը՝ լռությունը:

Բանալի բառեր – թերասության կարգ, որոշակիության/անորոշության կարգ, փախերական անորոշություն, ակտիվ և պասիվ սուտ, «խաբեություն» հասկացույթ, լռություն

DIANA GAZAROVA – The Ways of Refraction of Reality in S. Dovatov's Works: lie, default and silence. – The article is devoted to the three types of refracted reality: 1) hidden reality (the category of default), 2) changed reality (concept “deception”), 3) unsaid and – as a result – unchanged reality (silence). We suppose that Dovatov's heroes prefer the passive type of lie – silence.

Key words – category of default, category of definiteness-indefiniteness, relative indefiniteness, active and passive lie, concept “deception”, silence

Поступление: 24.10.2019

Рец.: 08.11.2019

Принято к печати: 05.12.2019